

КРЕСТ В ТВОРЧЕСТВЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Публикуемая статья является частью более широкого исследования, посвященного изучению особенностей изображения и функционирования в произведениях Достоевского предметов, относящихся к церковной и религиозной сфере. Две его части, посвященные иконе и храму, в настоящее время уже опубликованы.¹

В поставленную в исследовании задачу входит изучение всех контекстов, связанных с упоминаниями сакральных предметов в произведениях Достоевского. Это в свою очередь даст возможность уточнить некоторые специфические черты его религиозных представлений. Поскольку все предметы, имеющие религиозное назначение, наделены символическим смыслом, определенным образом интерпретируемым религиозными учениями, особенности их отображения в творчестве того или другого писателя обычно отражают и индивидуальную специфику его религиозного мироощущения, которое может совпадать или же в каких-то деталях расходиться с традицией.²

В данном случае остановимся на кресте. Кресту в христианском вероучении принадлежит особая роль, поскольку он является не только лишь богослужебным предметом, объектом поклонения, но и центральным религиозным символом.

---

¹ См.: Сидяков Ю. 1) О иконе (образе) в творчестве Достоевского // Поэтика Достоевского: Статьи и заметки. Rīga, 2007. С. 107–116; 2) Храм (церковь) в творчестве Ф. М. Достоевского // Teksta telpa: Latvijas Universitātes 90. gadadienai = Пространство текста: к 90-летию Латвийского университета. Рига, 2009. С. 81–86 (Rusistica Latviensis; 3).

² Причем происходить это может на подсознательном уровне, расходясь с осознаваемыми самим автором религиозными убеждениями и концепциями.

О кресте в творчестве Достоевского мне уже отчасти приходилось говорить в работах, посвященных иконе и храму. Теперь остановлюсь на этом вопросе более подробно. Рассматриваться в данном случае будут контексты, в которые включены как упоминания собственно о кресте, так и о крестном знамении, поскольку одно и другое тесно связаны между собой. В то же время не будет рассматриваться тема креста в расширенном смысле – в частности, возможные ассоциации, возникающие в связи с упоминаниями о предметах, зрительно напоминающих крест. Кресты, являющиеся наградными знаками, также рассматриваться не будут.

Частотность упоминаний креста в произведениях Достоевского несколько ниже упоминаний об иконе и храме, но тем не менее достаточно высока. Икона (образ) упоминается 151 раз, храм (церковь, собор) – 166, крест – 83 раза. Также и количество произведений, в которых так или иначе фигурирует крест, несколько ниже, в сравнении с количеством произведений, содержащих упоминания о храме и иконе. В хронологическом порядке это выглядит так: «Неточка Незванова» (1 упоминание), «Село Степанчиково и его обитатели» (2), «Униженные и оскорбленные» (4), «Записки из Мертвого дома» (6) «Преступление и наказание» (17), «Идиот» (34), «Бесы», включая главу «У Тихона» (11; причем около половины упоминаний – 5 – здесь приходится именно на главу «У Тихона»), «Подросток» (1), «Братья Карамазовы» (7).³

Выделенными, как это явствует из приведенных подсчетов, оказываются романы «Преступление и наказание» и особенно «Идиот». Если же учитывать время создания одного и другого романа, то наибольшее внимание в произведениях Достоевского кресту приходится на середину–вторую половину 1860-х гг.

Как мне уже приходилось отмечать в предшествующих статьях, одни лишь количественные характеристики не обязательно свидетельствуют о значимости и значительности

---

³ Приведенные здесь и далее подсчеты производились независимо от данных «Статистического словаря языка Достоевского» А. Шайкевича, В. Андрущенко и Н. Ребецкой (М., 2002; электронная версия: http://cfri.ru/dost_cd0/dostoevski.htm). Связано это с тем, что в нем недостаточно разграничены различия словарных значений, учет которых в данном случае был необходим.

образа, но на степень внимания к предмету они, так или иначе, указывают. Кроме того, заметим, что крест в произведениях Достоевского в ряде случаев оказывается также специально акцентирован.

Смысл частотных характеристик раскрывается, прежде всего, в сопоставлениях. Определить частотность упоминаний креста во всей русской литературе второй половины XIX в., разумеется, достаточно трудно. Однако для сравнения обратимся хотя бы к двум произведениям современных Достоевскому авторов – «Войне и миру» Л. Толстого (как одной из самых значительнейших книг эпохи) и «Соборьянам» Лескова: поскольку это произведение написано специально на церковную тему, в нем можно предположить повышенную частотность упоминаний имеющих отношение к религии предметов. В «Войне и мире» крест упоминается всего 9 раз (в данном случае следует учитывать и огромный объем произведения), в «Соборьянах» – 18. И на таком фоне «Преступление и наказание», а тем более роман «Идиот» по частотности упоминаний креста определенно оказываются выделенными. Кроме того, следует отметить, что контексты, а также и особенности смысловых значений, которыми окружен крест у Достоевского, совсем иные, нежели в произведениях Лескова и Толстого. В «Войне и мире» крест обычно фигурирует как синоним тягот жизни, например, в выражении «мой крест».⁴ У Лескова в «Соборьянах» крест чаще всего – или же архитектурная деталь, венчающая церковное здание, или же кладбищенский крест.⁵ В произведениях Достоевского подобные кресты не упоминаются ни разу. У Лескова крест – это прежде всего конкретная вещь, у Достоевского, как мы увидим далее, – предмет, наделяемый особым смыслом.

Конечно, отмечая подобные расхождения, следует учитывать и то, что предметные миры Достоевского, Толстого и Лескова вообще различны,⁶ но в данном случае речь идет не просто о вещи, но о предмете, являющемся одновременно и религиозным символом, выходящим за рамки обыденного мира. Поэтому и основания для сопоставлений здесь несколько иные – как

---

⁴ Толстой Л. Н. Собр. соч.: В 22 т. М., 1979. Т. 4. С. 12.

⁵ См., напр.: Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т. М., 1957. Т. 4. С. 33, 98.

⁶ См. об этом: Чудаков А. П. Слово – вещь – мир. От Пушкина до Толстого: Очерки поэтики русских классиков. М., 1992.

уже отмечалось, отображение подобных предметов оказывается связано с особенностями религиозных воззрений авторов.

Для частотных характеристик показательным оказывается не только абсолютное количество упоминаний о предмете, но и количество эпизодов, с которыми он связан, где может быть назван как один, так и несколько раз. Деление на подобные эпизоды вызывает определенные трудности, поскольку границы между ними далеко не всегда легко проводимы, но так же, как и в предшествующих статьях, ради наглядности попытаемся это сделать.

В результате картина получается примерно следующая: «Неточка Незванова» (1 эпизод), «Село Степанчиково и его обитатели» (2), «Униженные и оскорбленные» (3), «Записки из Мертвого дома» (3), «Преступление и наказание» (7), «Идиот» (6), «Бесы», включая главу «У Тихона» (4), «Подросток» (1), «Братья Карамазовы» (5).

Как мы видим, и при таком делении первенство в частотности упоминаний креста сохраняется за романами «Преступление и наказание» и «Идиот».

В ряде случаев это эпизоды, насыщенные многократными упоминаниями предмета в границах небольшого по объему текста, что служит его акцентированию. Это один из приемов, используемых в данных целях Достоевским. Примером может служить рассказ князя Мышкина о смертной казни:

...священник поскорей, скорым таким жестом и молча, ему **крест** к самым губам вдруг подставлял, маленький такой **крест**, серебряный, четырехконечный, – часто подставлял, поминутно. И как только **крест** касался губ, он глаза открывал, и опять на несколько секунд как бы оживлялся, и ноги шли. **Крест** он с жадностью целовал, спешил целовать, точно спешил не забыть захватить что-то про запас, на всякий случай, но вряд ли в эту минуту что-нибудь религиозное сознавал (8, 56).

Или же еще более показательный пример – также из романа «Идиот» – в тетради Ипполита, в той ее части, где речь идет о картине Гольбеина:

На картине этой изображен Христос, только что снятый со **креста**. Мне кажется, живописцы обыкновенно повадились изображать Христа, и на **кресте**, и снятого со **креста**, всё еще с оттенком необыкновенной красоты в лице; эту красоту они ищут сохранить ему даже при самых страшных муках. В картине же Рогожина о красоте и слова

нет; это в полном виде труп человека, вынесшего бесконечные муки еще до **креста**, раны, истязания, битье от стражи, битье от народа, когда он нес на себе **крест** и упал под **крестом** и, наконец, крестную воку в продолжение шести часов (так, по крайней мере, по моему расчету). Правда, это лицо человека, *только что* снятого со **креста**, то есть сохранившее в себе очень много живого, теплого; ничего еще не успело закостенеть... (8, 338–339).

Теперь обратимся к контекстам, в которые включен крест в произведениях Достоевского, и функциям, которые он в этих случаях выполняет.

Одна из таких функций – крест как объект поклонения. В данном случае, как уже отмечалось ранее, его назначение оказывается близким иконе.⁷ Такую роль играет крест, приносимый в праздники в острог, в «Записках из Мертвого дома» (4, 109), или же крест в руках священника в цитированном выше фрагменте романа «Идиот»; сюда же следует отнести крест, лежащий на аналое рядом с Евангелием в келье старца Зосимы (14, 71), а также и оказавшийся среди православных икон принадлежащий ему же католический крест (14, 37). В таком значении в произведениях Достоевского крест упоминается 16 раз. Подобный крест встречаются, провожают, целуют. Появление такого креста может акцентировать и достаточно часто акцентирует тему страданий. Так в «Записках из Мертвого дома» упоминание о кресте хотя и косвенно, но вполне определенно ориентировано на описание судеб каторжных, и уже прямо и явно изображение креста связано с темой страданий в цитированном выше отрывке романа «Идиот». В последнем случае смысл образа еще более углубляется несколько позже в том же эпизоде, в дальнейшем развитии князем Мышкиным замысла предложенной им и связанной с его рассказом темы картины:

Нарисуйте эшафот так, чтобы видна была ясно и близко одна только последняя ступень; преступник ступил на нее: голова, лицо бледное как бумага, священник протягивает крест, тот с жадностью протягивает свои синие губы, и глядит, и – *всё знает*. Крест и голова – вот картина, лицо священника, палача, его двух служителей и несколько голов и глаз снизу, – всё это можно нарисовать как бы на третьем плане, в тумане, для аксессуара... Вот такая картина (8, 56).

---

⁷ См.: Сидяков Ю. О иконе (образе) в творчестве Достоевского. С. 115.

Еще одно значение, которым отмечен крест в произведениях Достоевского, – крест как орудие казни («крест Христов», также и кресты, на которых были распяты по обе стороны от Спасителя разбойники). Например, в «Бесах» (слова Кириллова):

Слушай большую идею: был на земле один день, и в середине земли стояли три креста. Один на кресте до того веровал, что сказал другому: «Будешь сегодня со мною в раю». Кончился день, оба померли, пошли и не нашли ни рая, ни воскресения (10, 471).

О кресте, на котором был распят Христос, идет речь и в уже цитировавшейся тетради Ипполита. Трижды о кресте как об орудии казни упоминается в романе «Братья Карамазовы» в главе «Великий инквизитор» (14, 233–234).

Крест в произведениях Достоевского может упоминаться и в иносказательном смысле – в устойчивых словосочетаниях: «креста на тебе нет» («Преступление и наказание», 6, 49), при этом чаще как синоним страдания и скорби: «крест осужденной жизни» («Неточка Незванова», 2, 235), «немалый крест и немалая скорбь» («Подросток», 13, 322), «нести крест» («Преступление и наказание», 6, 324) и т. п.

Однако наиболее частотными и играющими особую смысловую роль в художественных текстах Достоевского оказываются упоминания о кресте нательном. Особенно выделенным в этом случае опять же оказывается роман «Идиот». Из 36 упоминаний о нательном кресте во всех произведениях 15 приходится именно на этот роман. Особенно акцентированным и запоминающимся оказывается известный эпизод, когда обмениваются крестами князь Мышкин и Рогожин. Вторым по частотности упоминаний следует написанное ранее «Преступление и наказание» – 12. Именно в этих двух романах, созданных один за другим, внимание сосредоточено главным образом на крестах нательных.

Надо сказать, что в произведениях Достоевского, по сути, не различаются между собою нательный образок и собственно нательный крест. Функции они исполняют совершенно одинаковые. В «Преступлении и наказании» в словах Сони Мармеладовой оба предмета вообще не различаются и воспринимаются как нечто абсолютно равное: «Мы с Лизаветой крестами поменялись, она мне свой крест, а я ей свой образок дала» (6, 324). Но доминирует в подобных ситуациях все-таки крест – нательный

образок во всех произведениях Достоевского называется всего лишь 10 раз.

Рассмотрим теперь ситуации, в которых появляется и фигурирует у Достоевского нательный крест.

Нательный крест (или образ) с благословением надевают на героя или героиню. Впервые подобная сцена изображена в «Униженных и оскорбленных» – в момент ухода Наташи из дома. Анна Андреевна, перекрестив дочь, надевает на нее крест и приготовленную накануне ладонку (3, 194).⁸ Сама того не подозревая, мать таким образом благословляет дочь на грядущие страдания. Подобное же благословение, но в данном случае уже совершенно осознанное, совершается и в «Преступлении и наказании», в известной сцене, когда Раскольников перед тем, как идти с повинной, приходит к Соне (6, 403). В «Братьях Карамазовых», снимая с себя – в данном случае образок, надевает его на шею изнуренной муками совести крестьянки старец Зосима (14, 48). В несколько ином, явно пародийном контексте подобная же ситуация повторяется в том же романе, в главе «Золотые прииски», когда вместо ожидаемых Митей трех тысяч приносит и надевает на его шею образок госпожа Хохлакова (14, 349).

Нательными крестами в романах Достоевского обмениваются – в «Преступлении и наказании» и «Идиоте». Мотив этот связывает упомянутые два романа.

Нательный крест снимают, чтобы его пропить, – ситуация, возникающая опять же только в «Преступлении и наказании» (6, 107) и «Идиоте» (8, 183).

Еще одной повторяющейся сценой в произведениях Достоевского оказывается следующая: нательный крест снимают с умирающего или умершего (вариант – после убийства); затем крест может быть вновь возвращен умершему или убитому.

Рассмотрим данную ситуацию и ее варианты подробнее.

Передача (переход) креста от умирающего (умершего) к живому. Мотив этот впервые обозначается в «Униженных и оскорбленных», когда Нелли перед смертью завещает герою ладонку, висящую рядом с крестом (хотя завещается в данном случае не сам крест, а ладонка, все же связь с мотивом креста здесь явно оказывается акцентированной – не случайно упомяну-

---

⁸ В данном случае форма написания слова соответствует особенностям орфографии произведения Достоевского.

то, что ладонка находится рядом с крестом, 3, 441). Медальон и крест снимает с шеи своей жертвы убийца, о котором говорится в «Братьях Карамазовых» (в рассказе старца Зосимы, 14, 282). В «Преступлении и наказании» пропивающий свой крест подозреваемый в убийстве маляр снимает его с шеи перед совершением неудавшегося самоубийства – в каком-то смысле и этот эпизод оказывается включенным в рассматриваемый ряд: расставание с крестом является и в данном случае равнозначным смерти.

Мотив возвращения креста умершему (убитому) присутствует в «Записках из Мертвого дома» (снятый с умершего и положенный рядом с ним крест позже вновь надевается ему на шею, 4, 141); также в «Преступлении и наказании» (Раскольников, сорвав с убитой ростовщицы кресты и образок, затем вновь бросает их на ее грудь – таким образом как бы возвращая, 6, 64).⁹

Теперь обратимся к тем значениям, которые связываются в произведениях Достоевского с крестным знамением. Частотность упоминаний здесь также довольно высока. Всего о крестном знамении в произведениях Достоевского говорится 95 раз. Статистику по отдельным произведениям в данном случае приводить не будем, поскольку никаких особых тенденций здесь замечено не было. Важнее тут обратить внимание на отмечаемые автором различия в содержании этого молитвенного жеста и специфику ситуаций, когда он совершается.

В 43 случаях это крестное знамение, совершаемое действующим лицом в отношении себя самого. В 32 оно направлено на другого человека – с благословением, как выражение заботы и любви или же как напутствие. Шесть раз упоминание о крестном знамении употреблено в устойчивых выражениях – «лоб перекрестить», «вот тебе крест» и т. п. В ряде случаев мотив

---

⁹ Заметим, что близкие мотивы можно найти также и в «Воине и мире» Толстого. Образок, который дарит, благословляя, княжна Марья Андрею Болконскому перед его отъездом на войну, был отобран у умирающего кн. Андрея французскими солдатами. Однако позже, благодаря доброму отношению к раненым императора, образок был ему солдатами возвращен. В отличие от описанных выше ситуаций из произведений Достоевского, символика здесь более определена: образок возвращается не умершему, наоборот, новое обретение предмета связано с мотивом возвращения героя к жизни, а также и перемены его мирозерцания (*Толстой Л. Н. Собр. соч. Т. 4. С. 369–370*).

этот связывается с необычными ситуациями – например, говорится о том, как в детстве Петр Верховенский «крестил подушку, чтобы ночью не умереть» (10, 75), или же в «Братьях Карамазовых», в рассказе отца Ферапонта, упоминается о крещенном черте (14, 154).

Крестятся в произведениях Достоевского перед иконой (10, 53), «на храм» (13, 273), крестятся, отходя ко сну (14, 147); также под влиянием тех или иных эмоций – обычно в страхе и горе (6, 176). Крестное знамение, совершенное в радости, упоминается лишь один раз и в довольно специфическом контексте: с радостью крестится князь Валковский, когда умирает мать Нелли (впрочем, говорится об этом определенно в переносном смысле, а не как о реальном факте, 3, 337). Крестятся у Достоевского также и над умершими (4, 141).

Совершают крестное знамение большей частью люди из простого народа или же связанные с простонародным сознанием герои. Это своего рода норма и одновременно фон, на котором особый смысл приобретают эпизоды, когда крестное знамение совершают действующие лица, далекие от простонародной среды или же находящиеся в сложных отношениях с верой (например, упоминание о том, как в страхе перекрестился Степан Трофимович Верховенский, 10, 334; или же когда крестится Шатов в момент рождения ребенка, 10, 451).

Как явствует из приведенных примеров, крестное знамение (так же как и крест) в произведениях Достоевского большей частью оказывается связано с событиями неблагоприятными – горем, тревогой, смертью. По сути, здесь проявляются те же тенденции, что были отмечены в опубликованных мною ранее статьях, посвященных иконе и храму в творчестве Достоевского. Пространство храма у Достоевского не отделяется и не противопоставляется, но, наоборот, по большей части оказывается включенным в образ лежащего во зле мира. События, происходящие в церкви, как правило, по содержанию печальны. Своеобразно организуется и внутреннее пространство храма. Чаще всего действие перемещается к входу/выходу – к церковной паперти, к той части храма, которая традиционно в церковной символике считается местом крайне неблагоприятным (в древности у входа находился притвор, предназначенный для не допускавшихся в храм оглашенных и кающихся; паперть – традиционно место просящих подавание нищих и убогих, а

также грешников, несущих самый тяжкий образ покаяния¹⁰). Контексты, включающие в произведениях Достоевского образ иконы, довольно разнообразны, но и здесь значительное место принадлежит мотивам горя и страдания (достаточно вспомнить хотя бы выбросившуюся из окна прижимающую к груди икону Кроткую).

Подобное же смещение в область неблагополучия, горя и страданий свойственно также и контекстам, в которые включается крест (и как его вариант крестное знамение). Такое осмысление и значение обретает, прежде всего, у Достоевского этот образ. На первый взгляд может показаться, что в творчестве Достоевского совершенно отсутствуют крайне важные для церковного учения смыслы, связанные с пониманием креста как символа утверждающего: «Крест, хранитель всея вселенная; Крест, красота Церкви; Крест, верных утверждение; Крест, Ангелов слава и демонов язва».¹¹

Однако косвенно и эта сторона церковного учения, думается, в творчестве Достоевского все же присутствует, хоть и не проявленная непосредственно. В отличие от иконы и храма, где тема осквернения святости играет существенную роль, крест в произведениях Достоевского никогда не бывает поруган. Однако тема неблагополучия и страданий в контекстах, связанных с упоминаниями креста, определенно доминирует. И в этом проявляется общая тенденция, свойственная отображению в произведениях писателя относящегося к церковной и религиозной сфере предметного мира.

---

¹⁰ См. об этом: *Вениамин*, архиеп. Новая скрижаль или объяснение о Церкви, о Литургии и о всех службах и утварях церковных. СПб., 1884. С. 36–42.

¹¹ Светилен праздника Воздвижения (Минея праздничная, содержащая службы Господним и Богородичным праздникам и святым избранным. М., 1970. С. 33).